

Н.А. Тымочко, Н.В. Гончарова, Ю.В. Тимченко

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ*

На середину 1920-х гг. приходятся наиболее крупные успехи новой экономической политики. Однако к концу 20-х гг. состоялось свертывание нэпа, *отказ от рынка, возвращение к административным методам*, что было обусловлено внутренними экономическими разногласиями этой политики и противоречивыми процессами, которые она вызвала в обществе. Это, прежде всего, снижение темпов развития; финансовый кризис 1922 г., кризис сбыта 1923 г., товарный голод 1924 г., рост инфляции 1925 г., нежелание большевистской партии делиться властью и распространить действие экономического плюрализма на сферу политики; быстрая дифференциация общества, рост социальной напряженности. Этот период характеризовался также «...ростом с 1925 г. центристских тенденций в экономике, т.е. усилением централизованного планирования и управления экономикой в ущерб рыночным отношениям»¹.

1. Политика индустриализации

Отказа от нэпа требовала и государственная политика реализации курса **индустриализации**, принятого XIV съездом ВКП(б) в декабре 1925 г. В эти годы стал очевидным большой разрыв в уровнях экономического развития ведущих стран Запада и России. И он был не в пользу последней: индустриальной мощности западных стран Советское государство противостояло как страна, которая все еще не преодолела присущую ей аграрно-индустриальную структуру.

* Продолжая знакомить российских читателей с развитием преподавания историко-экономических дисциплин в Украине, редакция публикует с небольшими сокращениями еще одну из глав учебного пособия «История экономики и экономической мысли: учеб. пособие / под общ. ред. проф. С.В. Степаненко» (К.: КНЕУ, 2010), посвященную на этот раз одному из периодов экономической истории.

В 1931 г. советские закупки составляли 30% мирового экспорта машин и оборудования, в 1932 г. — почти 50%)². Были выдвинуты задачи преобразования Советского государства из страны, ввозящей оборудование, в страну, которая его изготавливает. Именно под таким лозунгом прошел XIV съезд партии. Было признано, что решить проблему **индустриализации** можно лишь благодаря тщательному ее **планированию** и разработке перспективных (пятилетних) планов развития народного хозяйства.

В дискуссии о подготовке плана индустриализации ключевым был вопрос об **источниках средств** для его осуществления. Опыт индустриализации других стран и дореволюционной России показал уже апробированный путь: рост товарности сельского хозяйства — развитие легкой промышленности — подъем тяжелой промышленности. Это был путь длительного, но сбалансированного развития экономики. Другой путь — ускоренной индустриализации — основывался на перераспределении доходов между областями и группами населения, ограничении потребления.

Советское правительство не могло пойти первым длительным путем развития села и легкой промышленности. Доктрина «коммунистического острова в капиталистическом окружении» требовала быстрого вооружения пролетарского государства для войны за мировой коммунизм. Поэтому был избран другой путь.

Не было единогласия во взглядах на *проблему темпов индустриализации*. Одни предлагали «...обеспечить максимальный темп» (Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев), другие возражали, аргументируя, что рабочие еще не готовы к индустриализации, и рекомендуя отказаться от методов судорожных прыжков. На этапе обсуждения плана И.В. Сталин, в частности, предлагал «учитывать ресурсы государства», «соблюдать меру» в налоговой политике на селе³. Однако через два года Сталин и его окружение отказались от своих предложений. А.И. Микоян убеждал, что в первые годы диктатуры пролетариата «нужно строить такие предприятия, которые обеспечивают самый близкий, самый быстрый экономический и политический эффект», и выступал против дорогих проектов, в частности, строительства Днепро-

гэса. «Во время так называемой дискуссии об индустриализации в 1920-те гг. ее участники, независимо от расхождений по всем другим вопросам, были согласны, что любое планирование индустриализации должно учитывать оборонные потребности страны. Именно по этой причине все настаивали на том, чтобы темпы капитального строительства были выше тех, которые полагали оптимальными»⁴.

Борьба политических группировок за власть вытесняла на второй план вопрос о перспективах развития экономики. В этих условиях появились две известные модели пятилеток — модель Кондратьева и модель Госплана.

Н.Д. Кондратьев (1892–1938) заслуженно считается одним из крупнейших экономистов XX в. Мировой славы он достиг как основатель теории больших циклов, исследователь вопросов экономической конъюнктуры и экономической динамики. В конце 1920-х гг. Н.Д. Кондратьев с группой сотрудников разработал модель первой пятилетки. Он признавал историческую необходимость индустриализации, но основой решения проблемы считал гармоничное развитие всех сфер экономики, прежде всего промышленности и сельского хозяйства. По мнению Н.Д. Кондратьева, сельское хозяйство может поставлять основные средства для индустриализации и как экспортер, и как емкий рынок для промышленных отраслей. Поэтому в основу его модели была положена идея продолжения нэпа, повышения товарности сельского хозяйства, его интенсификации. И поскольку все эти процессы не могли быть реализованы быстро, Н.Д. Кондратьев был против форсированной индустриализации и считал, что на ближайшие годы должна быть сохранена структура аграрно-индустриального развития.

Другая модель была разработана в Госплане (партийно-правительственном органе) под руководством академика С.Г. Струмилина. Госплан выступал за ускоренное развитие тяжелой индустрии, за быструю, принудительную ликвидацию многоукладности, за отказ от нэпа, от рынка, за максимальное усиление регулирующей роли государства. Модель Госплана полностью отвечала взглядам И.В. Сталина. Поэтому была избрана госплановская модель. Н.Д. Кондратьева называли «защитником кулачества», предъявили обвинение «в буржуазной

идеологии», а в 1930 г. арестовали и в 1938 г. — расстреляли. Таким же преследованиям были подвергнуты и все единомышленники Кондратьева.

«Экономисты теперь уже шли не от практики, а от “теории”, точнее, — от политических установок. Практически была прервана разработка проблем планирования на основе рыночных отношений, планы начали рассматриваться как спускаемые сверху директивные задания, а проблема плана и рынка надолго исчезла из экономической науки»⁵. Авторы работ, в которых речь шла об использовании рыночных отношений в планировании, объявлялись «буржуазными экономистами», а выдвигаемые ими концепции рассматривались как попытка реставрации капитализма.

На практике в 1929–1932 гг. было проведено реформирование целого ряда хозяйственных процессов, которое обеспечило практическую ликвидацию даже ограниченных рыночных отношений, сложившихся в годы нэпа, и создало условия для формирования основ хозяйственной системы, базирующейся на командно-административных методах. Так, в 1929 г. были приняты партийно-правительственные постановления «О мерах по упорядочению управления производством и установлению единоначалия» и «О реорганизации управления промышленностью», а в 1930 г. — «О кредитной реформе», «О налоговой реформе» и др. В 1931–1932 гг. дополнительно были приняты постановления, которые конкретизировали меры, связанные с проблемами управления промышленностью, кредитной системы и хозрасчета.

В результате произошли значительные изменения в организационной структуре управления промышленностью. Если в период нэпа основным производственным звеном был трест, то теперь им стало **предприятие**. Однако права предприятия были настолько ограничены, что, по сути, оно стало исполнительным органом центрального руководства.

Это сопровождалось увеличением количества промышленных наркоматов и главков, которые были центрами оперативного руководства предприятиями. Усиливалось единоначалие, приведшее к утверждению *командного стиля в управлении промышленностью и директивных методов руководства*.

Произошли также изменения в системе планирования, финансово-кредитных отношениях и т.п.

В условиях **директивного планирования** регулятором производства становился план, который приобретал характер всеобъемлющего относительно всего народного хозяйства. Если план ГОЭЛРО ставил конкретные производственные задания по 17 областям, а первая пятилетка — по 50 отраслям промышленности, то второй пятилетний план охватывал уже 120 отраслей промышленности. Жестко регламентировались не только плановые задания, но и ресурсы для их выполнения, формы и размеры оплаты труда и другие показатели.

Опыт директивного планирования, накопленный в промышленности, был перенесен и на сельское хозяйство: каждому району и колхозу доводились государственные посевные планы, в 1932 г. впервые был разработан план тракторных работ для МТС, начиная с 1935 г. утверждались государственные планы развития животноводства на каждый год и др.

Одновременно с укреплением директивных начал в управлении и планировании *ослабевала роль прибыли* и других экономических рычагов. Почти вся прибыль поступала в бюджет, из которого финансировались капиталовложения. Было введено прямое банковское кредитование, а *материально-техническое снабжение* (централизованное плановое распределение и организация оборота средств производства, а также готовой продукции производственного назначения и обеспечения ею потребителей) осуществлялось по распределительному принципу. Все это порождало «учетную» трактовку хозрасчета. Главным в хозрасчете считался учет расходов, их сопоставление с результатами, обеспечение рентабельности, а сам хозрасчет рассматривался как форма учета и контроля. Многие экономисты стали рассматривать хозрасчет в качестве метода реализации плановых задач, способа выявления производственных резервов, осуществления режима экономии. Считалось, что хозрасчет лишь в первые года нэпа был связан с рыночными методами хозяйствования. Все это привело к тому, что хозяйственный расчет все более приобретал формальный характер.

С 1 апреля 1930 г. было прекращено взаимное коммерческое кредитование хозорганами, а все необходимые денежные средс-

тва они могли получить лишь в учреждениях Госбанка. Размер кредитования каждого отдельного предприятия определялся промфинпланом и строго им ограничивался. Безусловно, такая система кредитования снижала роль и значение Госбанка, а также означала отход от рыночных методов хозяйствования.

Таким образом, в 1930-е гг. была создана экономическая система, основанная на жестком **централизме**. В сущности, государство опять перешло к своеобразной «разверстке» как в сельском хозяйстве (обязательные натуральные поставки в развернутой номенклатуре), так и в промышленности, где устанавливались жесткие директивные задания в производстве и распределении продукции, а прибыль предприятия практически полностью изымалась в бюджет государства, что означало утверждение командно-бюрократических методов управления.

В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) утвердил директивы по составлению *первого пятилетнего плана* развития народного хозяйства СССР, рассчитанного на 1928/29–1932/33 хозяйственные годы. Госплан УССР, как и союзный, относительно пятилетнего плана стоял на таких позициях: «План должен быть: а) научным прогнозом объективных возможностей; б) формулировкой заданий, которые определяют условия оптимального их использования; в) системой мер, направленных на практическое осуществление политических устремлений государственной власти»⁶. На практике последнее вытеснило и подмяло под себя научность, объективность, оптимальность.

Проект плана имел два варианта — «отправной» и «оптимальный». Последний был рассчитан на более благоприятные условия и содержал несколько более высокие показатели. Оба варианта в сбалансированной форме предполагали ускоренное развитие промышленности, развертывание коллективизации сельского хозяйства на добровольной основе (с охватом до конца пятилетки до 30% крестьянских хозяйств) и повышение народного благосостояния. Среднегодовой темп прироста промышленной продукции согласно «отправному» варианту составлял 18%, а «оптимальному» — 20–22%. В мае 1929 г. «оптимальный» вариант плана одобрила XVI партконференция ВКП(б).

Однако с момента принятия плана начались многочисленные корректировки его показателей в сторону их повышения, чаще

всего без необходимого обоснования. Завышенные плановые задания не выполнялись из-за отсутствия в народном хозяйстве соответствующих ресурсов, что приводило к диспропорциям. В результате первый пятилетний план не был выполнен ни на момент провозглашения о его завершении (1 января 1933 г.), ни в запланированный период.

В соответствии с принципами и основными показателями пятилетнего плана СССР разрабатывались и планы экономического развития Украины. Капиталовложения в ее экономику были определены центром в сумме 13 млрд р. (почти 20% общесоюзной суммы). Из 35 важнейших объектов промышленности СССР периода технической реконструкции 1920–1930-х гг. 12 находились в Украине (7 новостроек — металлургические заводы: Запорожсталь, Криворожсталь, Азовсталь, Днепрострой, Днепроалюминийстрой), а также Крамашстрой (Краматорск) и Харьковский тракторный завод (ХТЗ) и 5 коренным образом реконструируемых — Луганский паровозостроительный и металлургические заводы в Макеевке, Днепродзержинске, Днепрпетровске, Коммунарке). Из 1500 промышленных предприятий, возводимых в СССР в годы первой пятилетки, 400 строилось в Украине. Благодаря этому в промышленном комплексе Украины появились новые отрасли: в пищевой — маргариновая и молочная, маслодельная, комбикормовая, хлебопекарная; в металлургии — электрометаллургия (завод Днепроспецсталь), цветная металлургия (Константиновский цинковый [1930], Днепропетровский алюминиевый [1933] заводы). Планировалось завершение строительства Днепровской гидроэлектростанции, других электростанций, запланированных еще планом ГОЭЛРО.

В январе 1933 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Сталин сделал доклад об итогах первого пятилетнего плана. Было заявлено о безусловном выполнении главной задачи пятилетки — превращение СССР из страны **аграрной в страну индустриальную**. Подтверждалось это соотношением в составе ВВП доли промышленности (70%) и сельского хозяйства (30%). Но эти показатели были приведены в денежных, ценовых оценках, что существенным образом меняло картину, потому что цены на промышленные товары были очень высокие (они определялись не рынком, а государством), а цены на сельскохозяйс-

твенную продукцию (по той же причине) — крайне занижены. Таким образом, ценовые оценки маскировали действительные итоги плана, его натуральные показатели. По этим показателям ни одна из задач, принятого в свое время оптимального варианта пятилетнего плана выполнены не были.

Так, вместо предусмотренного планом производства чугуна и стали по 10 млн т в год фактически было выплавлено 6,2 млн т чугуна и 5,9 млн т стали; добыча каменного угля вместо 75 млн т составляла 64 млн; производство электроэнергии вместо 22 млрд кВт/ч составляло лишь 13,5 млрд. Среднегодовой прирост ВВП составлял 16%, как было намечено в отправном варианте плана, а не 22%, намеченных оптимальным вариантом, и уж, конечно, не провозглашенные Сталиным 45%⁷.

Следует заметить, что определив курс на модернизацию промышленного потенциала страны, советское руководство сразу столкнулось с проблемой **средств** для развития индустрии. Внутрипромышленные накопления оказались намного меньше запланированных, поскольку бурное развитие получили отрасли тяжелой промышленности, ставшие нерентабельными в первый же год пятилетки. Это целиком понятно, поскольку резко (внепланово) увеличился фронт работ, в производство были вовлечены миллионы неквалифицированных крестьян.

Учитывая то, что получить иностранные займы было невозможно (из-за отказа советского правительства уплатить царские долги, а также стремления руководителей страны обеспечить экономическую самоизоляцию во имя ошибочной экономической независимости страны), были задействованы *исключительно внутренние ресурсы*.

Одним из главных источников накопления средств для индустриализации стало *перераспределение доходов населения* в пользу государства. Перекачивание средств шло различными каналами:

– налоги с населения (для села «сверхналоги», т.е. постоянный рост цен на промышленные товары). В июле 1928 г. на пленуме ЦК Сталин сформулировал идею «дани» с крестьянства с помощью так называемого дополнительного налога. Его стали взимать через систему монопольно завышенных цен на промышленные товары и искусственно заниженных цен на

сельскохозяйственную продукцию, закупаемую государством у крестьян (в годы первой пятилетки они иногда составляли 1/8 рыночных). «Перекачивание средств» объяснялось как вынужденная мера ради сохранения высоких темпов индустриализации. В дальнейшем такая политика превратилась в систему и на долгие годы стала основой хозяйственного строительства;

– внутренние государственные займы, которые размещались как среди городского, так и сельского населения. Они начали выпускаться с 1926 г., постепенно превратившись из добровольных в обязательные. Норма подписки на заем представляла среднемесячную заработную плату в течение года (в 1927–1929 гг. было выпущено три государственных займа индустриализации, население Украины подписалось на сумму свыше 325 млн р.).

Осуществлялись также меры, направленные на *увеличение доходной части государственного бюджета* и финансирование индустриализации. Ими были:

– денежная эмиссия, не прекращавшаяся с 1930 г. (денежная масса, находящаяся в обращении, увеличивалась более чем вдвое по сравнению со стоимостным объемом продукции предметов потребления). Она обесценивала советский рубль и уже в конце 1920-х гг. положила конец его конвертируемости на мировом денежном рынке. Но рост денежной массы создавал возможность оплаты труда в промышленности и капитальных вложений в тяжелую промышленность;

– налоговая реформа 1930 г., которая содействовала перераспределению средств из легкой промышленности в тяжелую. В легкой промышленности изымались все накопления и через бюджет направлялись на финансирование тяжелой;

– существенным источником доходов бюджета стала продажа водки (в 1927 г. бюджет получил от нее 500 млн, в 1930 г. — 2,6 млрд, а в 1934 г. — 6,8 млрд р.).

Поскольку бюджетных средств не хватало, были вовлечены **дополнительные источники**, наглядно характеризующие антинародную, хищническую природу советской власти.

Таковыми источниками являлись:

– продажа на зарубежных рынках (часто за бесценок) уникальных художественных ценностей, хранившихся в музеях страны;

– создание во всех крупных городах магазинов Торгсина (формально для торговли с иностранцами, а фактически для выкачивания у граждан остатков золота и ценностей);

– зерновой экспорт, приносящий валюту, а также увеличение продажи за границу нефтепродуктов, лесоматериалов, меха, льна.

С целью экономии средств государство сдерживало рост заработной платы рабочих и служащих. Это давало возможность из того же фонда зарплаты оплачивать труд и тех рабочих, которые пополняли их ряды.

Ускоряло и удешевляло индустриализацию также то, что многие виды сырья и материалов для тяжелой промышленности правительство получало даром, без оплаты, поскольку они производились за счет труда миллионов заключенных в концлагерях ГУЛАГа. Заключенные обслуживали своим принудительным трудом целые отрасли промышленности и строительства.

Характеризуя **отличительные черты индустриализации**, следует отметить, что в первой пятилетке изменилась отраслевая структура промышленного производства — форсированное развитие получили отрасли тяжелой индустрии и создавались новые центры ее развития. Во второй и третьей пятилетках продолжается политика «социалистической» индустриализации. Однако народное хозяйство, управляемое не рыночным спросом, а централизованным планированием, отличала все эти годы резко выраженная диспропорциональность отраслевого развития. От средних темпов народнохозяйственного развития существенным образом отставали отрасли группы «Б», строительство электростанций и железных дорог. На этом фоне стремительным увеличением темпов развития отличалось лишь военное производство. В общем, несбалансированный рост стал за годы советской власти своеобразным законом развития экономики.

2. Политика коллективизации сельского хозяйства

Наряду с индустриализацией вторым главным направлением сталинской экономической политики 1930-х гг. была **коллективизация сельского хозяйства**. С самого начала она рассматривалась как средство ускорения индустриализации, решения хлебной проблемы, в конце концов, ликвидации за-

житочного крестьянства — естественного врага советской власти. Аграрный сектор стал *фактическим донором промышленности*, особенно в начале 30-х гг., поскольку коллективное, контролируемое и управляемое государством хозяйство могло быстро обеспечить рост производства и финансовых поступлений. Из него, почти за бесценку, выкачивали хлеб и сырье, путем организованного набора крестьян перемещали на вновь созданные фабрики и заводы.

Собственно, толчком к переходу к сплошной коллективизации становится хлебозаготовительный кризис 1927/28 г. Несмотря на довольно хороший урожай 1927 г., крестьяне не повезли зерно на рынок, что объясняется не только низкими государственными заготовительными ценами на хлеб, но и высокими ценами на промышленные товары. Государство ощутило острый недостаток в хлебе как для обеспечения экспорта, так и для удовлетворения нужд в нем города (с 1928 г. в городах была введена карточная система отпуска хлеба). Именно это и стало основанием для пересмотра политики относительно крестьянства, создания «опоры социализма» на селе в виде колхозов и совхозов. Кризис же был преодолен с помощью репрессивных мер, что дало возможность «выдавить» из крестьян Украины зимой 1928 г. до 70 млн пудов хлеба. Но дальнейший ход событий, рост цен на промышленную продукцию и сохранение низких цен на хлеб привели к новым принудительным изъятиям хлеба и в 1929 г. Повторное изъятие административным путем товарных излишков полностью подорвало рыночные стимулы к работе в сельском хозяйстве.

Первым шагом к сплошной коллективизации должен был стать первый пятилетний план, по которому коллективизации в Украине на добровольных началах подлежало 30% крестьянских хозяйств. Но кризис хлебозаготовок 1927/28 г., необходимость применения чрезвычайных мер для изъятия хлеба стали толчком к ускорению сплошной коллективизации, необходимость которой И. Сталин обосновал в статье «Год великого перелома» (ноябрь 1929 г.), в которой утверждал, что широкие слои крестьянства полностью готовы к переходу к коллективному хозяйствованию, а также подчеркивал необходимость решительного наступления на кулачество. Крестьянин-«единоличник», который сам реша-

ет, что ему сеять и продавать, был очень неудобным для государства, реализующего программу индустриализации именно за счет села. А вот создание на селе крупных хозяйств (коллективных или государственных) взамен неконтролируемых мелких крестьянских является тем выходом, который обеспечит бесконтрольное изъятие продукции сельского хозяйства государством.

Существовало несколько форм хозяйственных объединений на селе: колхозы (коммуны, артели, товарищества совместной обработки земли [ТСОЗ]) и государственные сельскохозяйственные предприятия (совхозы). Главной формой коллективных хозяйств стали артели. Основой их функционирования были *неделимые фонды* — совокупность средств производства, которые не могли быть распределены между лицами, добровольно образовывавшими коллективное хозяйство. Земля, отводившаяся во время коллективизации под общественное хозяйство, объявлялась навеки закрепленной за колхозом, и это означало, что крестьянин, который откажется выйти из колхоза, превращался в безземельного хозяина.

Весьма противоречивые, даже трагические последствия имела сплошная коллективизация сельского хозяйства. Во время ее проведения материально-техническая база колхозов образовывалась за счет обобществления крестьянских орудий труда. Поскольку это были, за небольшим исключением, конно-ручные орудия, то они и определяли технический уровень «нового», крупного производства. Кроме того, и количество сельскохозяйственных орудий, и поголовье рабочего скота оказалось меньшими по сравнению с доколхозными временами, потому что большинство крестьян считало, что лучше вырезать скот и коней, чем передавать их в чужие руки, в практически не обустроенные колхозные службы. За 1929–1934 гг. погибло почти 150 млн голов скота, а его стоимость превышала стоимость построенных за этот период фабрик и заводов. В течение последующих десятилетий страна так и не смогла полностью преодолеть последствия этого бедствия, ощущая постоянный недостаток продовольствия.

Следует сказать, что темпы реальной коллективизации значительно превышали плановую, но достигались они исключительно насильственными методами. Так, в Украине местное

руководство приняло решение о необходимости завершения коллективизации в некоторых районах уже к осени 1930 г. И если на 30 января 1930 г. в республике было коллективизировано 15,4% хозяйств, то на 1 марта 1930 г. — уже 62,8%. Инвентарь, крупный рогатый скот, птица — все становилось собственностью колхоза, его «неделимым фондом».

Понятно, что такие методы коллективизации вызвали бурное сопротивление крестьянства, но выступления крестьян подавлялись регулярными частями Красной армии. Центральное руководство вынуждено было отреагировать на сложившуюся ситуацию. 2 марта 1930 г. в «Правде» появилась статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов», в которой разоблачались «перегибы», а главная ответственность за них возлагалась на местное руководство. Результатом статьи стал массовый отток крестьянства из колхозов, правда, непродолжительный: уже осенью 1930 г. политика «насаждения» колхозов была продлена.

Завершение коллективизации приходилось на 1937 г., когда в колхозы Украины объединилось 96,1% крестьянских хозяйств и 99,7% посевных площадей. Накануне Второй мировой войны в республике существовало около 30 тыс. колхозов и почти 1000 совхозов. Положение колхозников было чрезвычайно сложным, особенно с введением в 1932 г. паспортной системы, так как паспорта могли получать лишь жители городов, рабочих поселков, новостроек. Таким образом, долгое время (до начала 1960-х гг.) колхозники были принудительно прикреплены к земле, работали как на барщине, получая за свой труд мизерную оплату (натуроплата колхозников составляла 12–15% от произведенного). *В таких условиях крестьянство постепенно утрачивало черты, сложившиеся столетиями: хозяйственность, трудолюбие, инициативность.*

Принудительный труд был малоэффективным. Объем сельскохозяйственного производства возрастал медленно. В 1933 г. государство насильственными методами получило от украинского села 317 млн пудов хлеба, в 1935 г. — 462 млн, в 1940 г. — 576 млн пудов. И даже такое количество хлеба обеспечило постепенное ослабление продовольственного кризиса в городах.

Одновременно с коллективизацией происходил процесс *раскулачивания*, в результате которого у крестьян изымали имуще-

тво, землю, а их самих вместе с семьями выселяли в дальние необжитые места, направляли на лесозаготовки и в концлагеря, лишая всех политических и гражданских прав. Раскулачивание привело к тому, что село лишилось наиболее крепких и предприимчивых хозяев.

Особенно интенсивно в Украине террор против зажиточных крестьян осуществлялся в первые месяцы 1930 г. На 1 июня было раскулачено 90 тыс. крестьянских хозяйств Украины, что составляло 1,8% от их общего количества, конфисковано и передано в колхозы скота и различного инвентаря на сумму 90–95 млн р. Всего в Украине за годы коллективизации экспроприровано около 200 тыс. крестьянских хозяйств, что составляло приблизительно 1,4 млн чел. Свыше половины из них было выслано на Север и в Сибирь⁸.

Преступная стратегия «социалистического» очищения села осуществлялась и другими методами. О страшной драме украинского народа, получившей в мировой истории название **голодомор 1932–1933 гг.***, написано уже много. Максимально обобщая все до сих пор обнародованное о внутренней политике большевиков, ее можно свести к двум главным направлениям:

1) формирование человека нового типа, т.е. такого человека, который был бы пригоден для роли «строителя коммунизма»;

2) устранение той части населения, которая для этого не подходила⁹.

Почему большевикам необходимо было использовать именно такую нечеловеческую стратегию ведения войны с крестьянством, как голодная смерть населения Украины? Террор посредством голода решал сразу несколько задач. Назовем их.

1. Из-за отсутствия продовольственной базы за счет вывоза хлеба, даже семенного фонда для посева озимых и яровых,

* *Примечание редакции:* Вопрос о так называемом голодоморе остается предметом дискуссий, как среди историков, так и среди широкой общественности. Если в Украине трагические события 1932–1933 гг. трактуются чаще всего как форма геноцида, то в России это мнение обычно оспаривают, указывая, в частности, что от голода в 1932–1933 гг. жестоко страдали отнюдь не только украинские крестьяне. Решение вопроса, в какой степени голод стал следствием социальной политики большевистского руководства страны, а в какой степени — «всего лишь» ошибок их экономической политики, будет достигнуто в будущем, когда обсуждение этой проблемы перестанет носить политический характер и перейдет в русло чисто научной дискуссии.

крестьяне не смогли бы эффективно противостоять существующей власти.

2. Террор голодом был наиболее эффективным по результатам уничтожения украинского крестьянства, которое большевики считали своим врагом в Украине.

3. Голодомор был оружием тотального уничтожения, охватив все население. Он нарушал демографический баланс, подрывая прирост населения, что приводило к физической деградации нации.

4. Голодомор уничтожал только людей, оставляя неповрежденным все их личное имущество, средства сельскохозяйственного производства. И вместе с тем голодомор освобождал территорию для нового заселения, но уже не украинцами, а другими национальностями. Сразу же после создания СССР ОГПУ начало переселять крестьян из других республик на места, оставшиеся от вымершего украинского населения в период голода 1921–1923 гг.

5. Голодомор дал возможность большевикам изменить этнографический состав населения Украины в свою пользу, вбил клин в монолит украинства, нейтрализовал политический, идеологический и военный потенциал украинского крестьянства, создавая широкие возможности для русификации украинского населения, оставшегося в живых, и создавая человеческий материал для реализации большевистских идей построения коммунистического общества.

6. Голодомор 1932–1933 гг. в Украине полностью реализовал идею преобразования крестьян-собственников в «сельский пролетариат», на долгие годы похоронив лозунг «Земля — крестьянам», с которым большевики пришли к власти в 1917 г. Система колхозов превратила крестьян в «сельский пролетариат», который не производил, как ранее, свой сельскохозяйственный продукт, а стал наемным работником большевистской системы сельского хозяйства. Последствия тоталитарного голодомора 1932–1933 гг. были ужасными: он забрал жизнь около 10 млн украинских крестьян¹⁰.

Характеризуя хозяйственную систему в аграрном секторе 1930-х гг., следует подчеркнуть, что в эпоху «великого перелома» была практически ликвидирована вся кооперативная систе-

ма, а под лозунгом тотальной коллективизации была реализована государственная антикооперативная политика. Были разогнаны или преобразованы в придаток государственных органов общие и многие региональные кооперативные центры и союзы. Их материальная база, создававшаяся годами, рассеялась, частично перешла в руки различных госорганов, а в основной своей части пришла в упадок и разрушилась. Таким образом, слабые ростки демократического кооперативного движения, зародившиеся в годы нэпа, были уничтожены.

Все управление колхозами перешло к государственным органам в центре и на местах. Свернул свою деятельность Всесоюзный совет колхозов. Отменялись съезды и конференции колхозников. На смену экономическим методам пришло администрирование. Свыше диктовались государственные задания. Вся хозяйственная жизнь в колхозах строго регламентировалась. По каждому виду сельскохозяйственной продукции существовали специальные заготовительные учреждения: заготзерно, заготяйцо, заготплодоовощ и т.п. Отчеты были от квартальных до пятидневных. С 1933 г. была упразднена существующая договорная система заготовок зерновых культур и установлены как для колхозов, так и для единоличных хозяйств твердые обязательства по сдаче государству зерна, мяса, молока, картофеля и т.п. по установленным ценам. Хозяйства, не выполнявшие задания, облагались денежными штрафами.

Обязательная сдача продукции по низким ценам не обеспечивала нормальное воспроизведение, оплату труда, формирование посевных и фуражных фондов. Монопольный закупщик зерна «Заготзерно» покупал пшеницу по 80 к. за центнер, а продавал по 10,4 р., из которых 8,9 р. изымались в госбюджет как налог с оборота, за счет чего и происходило финансирование индустриализации. Почти четверть столетия — с 1929 по 1953 г. — закупочные цены на основную сельскохозяйственную продукцию оставались неизменными.

Оплата труда имела не прямую форму денежных и натуральных расчетов, а весьма опосредствованную, которую называли трудоднем. Это была нищенская оплата — в первой пятилетке на трудодень приходилось в среднем 50 к. Оплата проводилась в основном натурой (зерном). Обязательными поставками сель-

скохозйственных продуктов государству облагались посевы приусадебных участков колхозников, пришкольные участки, хозяйства детских домов.

Преобразование колхозов в специфический механизм для присвоения государством результатов труда крестьян шло и по другим направлениям. Были полностью огосударствлены *машинно-тракторные станции* (МТС — государственное сельскохозяйственное предприятие, созданное для технической и организационной помощи колхозам. Первая МТС была основана в 1928 г. в Одесской области), которые сначала создавались на паях государства, колхозов и средств населения. При этом никаких расчетных отношений между колхозами и МТС не существовало. Натуроплата МТС была, как и обязательные поставки, прямым, в натуральной форме взимаемым государственным налогом. Государственными органами определялось, какая доля урожая должна идти на оплату МТС, но перечислялась она не в МТС, а непосредственно в государственные фонды. Сами же МТС находились на бюджетном финансировании, и их работники получали, как и рабочие, занятые в государственной промышленности, денежную заработную плату. Колхозы были лишены возможности покупать машины, создавать собственную индустриальную базу. *Так, на рубеже 1930–1940-х гг. окончательно сформировалась жестко централизованная административно-командная система и в аграрном секторе.*

Однако следует сказать, что за годы довоенных пятилеток промышленность Украины все-таки сделала значительный шаг вперед (относительно технической реконструкции, наращивания мощностей, количественного и качественного роста кадрового потенциала и увеличения выпуска продукции) — как за первую пятилетку, так и особенно за вторую (1933–1937 гг.).

Программа первой пятилетки относительно валового объема промышленного производства была выполнена на 93,7%, в тяжелой промышленности — на 108%. Доля промышленной продукции повысилась с 51,5% в 1928 г. до 70,7% в 1932 г. Доля первого подразделения в валовой продукции всей промышленности возросла до 53,4% против 39,5% в 1928 г.¹¹ В результате первой пятилетки сократился импорт машин и оборудования.

Но проблема динамичного развития технической базы производства так и не была решена. Ручной труд преобладал не только в сельском хозяйстве и строительстве, но и в промышленном производстве.

В республике осуществлялось крупное строительство на основе освоения капитальных вложений. В результате введения в действие новых предприятий, реконструкции старых в промышленности беспрерывно увеличивался объем основных фондов. В 1940 г. новые или полностью реконструированные предприятия выпускали свыше 92% продукции крупной промышленности Украины, в частности: в черной металлургии — 99,4%, химической промышленности — 99,7%, в тракторной — 100%, турбинной — 100%, комбайностроении — 100%, электростанций — 100% и т.п.

Что же касается общего состояния экономики УССР в 1939–1941 гг., то можно с уверенностью сказать, что ее роль в народнохозяйственном комплексе СССР была чрезвычайно важной. Возрастающая милитаризация экономики страны отразилась и на потенциале республики. Увеличились объемы производства в отраслях тяжелой индустрии, возросла ее доля в общесоюзном промышленном производстве (в 1940 г. она составляла 62%). Украина оставалась главной угольной и металлургической базой СССР: в 1940 г. здесь добывалось 50,5% угля, 67,6% железной руды, произведено 48,8% стали, 64,7% чугуна. Украина была одним из основных районов СССР по производству зерновых и технических культур, давая треть союзного производства зерна, 60% сахарной свеклы.

Но высокие темпы развития тяжелой индустрии не сопровождались соответствующим развитием легкой и пищевой промышленности, социально-культурной сферы, без чего невозможен рост благосостояния. Индустриальная мощность Украины была сориентирована на первичную переработку сырья и изготовление «машин для производства машин», а не удовлетворение повседневных потребностей человека. Характерной особенностью периода индустриализации было значительное снижение доли фонда потребления в национальном доходе с 80% в 1927 г. до 55–50% в последующие годы. В результате уровень жизни рабочих был близок к уровню 1913 г.

В годы довоенных пятилеток мало что изменилось и в размещении промышленных объектов на территории Украины. Весь прирост производства приходился на традиционные промышленные центры — Донбасс, Приднепровье, а также на крупные города, прежде всего Харьков, Киев, Одессу. Таким образом, *в Украине закреплялась традиционная структура промышленного производства*, которая привязывала народное хозяйство республики к потребностям СССР.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы относительно этого периода:

- сформировалась *централизованная экономическая система*, основанная на полном огосударствлении производства и ликвидации частной собственности, утверждении командного стиля в управлении промышленностью и директивных методов руководства;

- *была создана мощная тяжелая промышленность*, не зависящая от импорта, появились новые ее отрасли, начался массовый выпуск автомобилей, тракторов, комбайнов и др.;

- реализуемая модель индустриализации опиралась на *экстенсивное развитие*, факторы эффективности производства бездействовали;

- сельскому хозяйству был нанесен тяжелый удар, объемы производства снизились;

- высокие темпы развития получило *военное производство* (танков, самолетов и др.);

- стала заметной постоянная *разбалансированность*, возникли серьезные *диспропорции в хозяйственной системе*;

- уровень жизни населения оставался крайне низким.

3. Хозяйство Украины в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления

С первых дней Великой Отечественной войны Украина стала ареной жесточайших боев. Уже к ноябрю 1941 г. враг оккупировал территории, где до войны проживало 40% населения СССР, производилось 68% чугуна, 58% стали, 60% алюминия, добывалось 63% угля, производились 84% сахара, 38% зерна, содержалось 38% крупного рогатого скота и 60% поголовья

свиней. Здесь находился 41% всех железнодорожных путей Советского Союза¹².

Вторая мировая война нанесла колоссальный ущерб народному хозяйству. Было разрушено 714 городов и поселков городского типа, свыше 28 тыс. сел, причем 250 были полностью сожжены, а жители уничтожены. По подсчетам специалистов, демографические потери Украины в течение января 1941–июля 1946 гг. представляли по различным данным 7–15 млн чел., или свыше 22% от общего числа населения. Промышленность и сельское хозяйство Украины были дотла разрушены. Только прямые убытки, причиненные народному хозяйству республики, представляли огромную сумму — 205 млрд р., которая в 5 раз превышала государственные расходы на строительство новых заводов, фабрик, электростанций, шахт и других предприятий в годы довоенных пятилеток. А общие потери, постигшие население и народное хозяйство Украины, представляли действительно астрономическую цифру — почти 1,2 трлн р.¹³

Катастрофически снизилось промышленное производство республики. В 1945 г. здесь было добыто лишь 36% угля, произведено до 20% электроэнергии, 17% чугуна (по сравнению с уровнем 1940 г.). В целом промышленность Украины производила только 26% довоенного уровня, сельское хозяйство — 60%. На оккупированных территориях остались неповрежденными лишь 19% довоенного количества промышленных объектов.

Вместе с тем общий уровень промышленного производства в 1945 г., по официальной советской статистике, снизился только на 8% по сравнению с 1940 г. Этому содействовала невиданная по своим масштабам эвакуация. В восточные районы СССР из Украины было вывезено более 500 предприятий, эвакуировано свыше 4 млн чел. для обеспечения их работы.

В этих условиях достаточно оперативно и энергично проявилась сверхцентрализованная советская директивная система управления. Жесткая централизация, присущая советской экономике, сыграла решающую роль в обеспечении экономических преимуществ в годы войны. Так, уже через неделю был принят «мобилизационный народнохозяйственный план» на III квартал, а 16 августа 1941 г. — «военно-хозяйственный план» на IV квартал 1941 г. и на 1942 г., которые обеспечили эффектив-

ное переведение экономики на военные рельсы и перемещение промышленности в восточные районы СССР, формирование в них военного производства.

Весомым был вклад украинских тружеников в победу. Предприятия, эвакуированные из Украины, производили значительно больше продукции, чем на старых местах. Завод им. Коминтерна в 1942 г. произвел вдвое более танков, чем в начале войны; Киевский завод «Ленинская кузница» за первые три месяца работы на новом месте увеличил выпуск продукции больше, чем втрое. Отличились также Одесский и Киевский станкостроительные заводы.

В чрезвычайно сложных условиях суровой зимы 1941–1942 гг. эвакуированные предприятия начинали выпускать военную продукцию. Так, через 15–20 дней дали первую продукцию киевские заводы «Арсенал», «Трансигнал», станкостроительный им. М. Горького, Краматорский завод тяжелого машиностроения и др. Большинство же эвакуированных предприятий начали производить продукцию уже весной 1942 г., а в середине того же года военная перестройка народного хозяйства завершилась. На востоке страны небывало быстрыми темпами была создана абсолютно новая и высокоэффективная военная экономика.

Свой весомый вклад в достижение победы сделали и ученые Украины. Академия наук УССР, эвакуированная в Уфу, сосредоточила свое внимание на проблемах развития самолетостроения, моторостроения, танкостроения. Коллектив Института электросварки, возглавляемый академиком Е.О. Патонем, в течение короткого времени провел большую работу по налаживанию автоматической дуговой сварки корпусов танков Т-34.

Значительным был также вклад украинского крестьянства: эвакуированные из Киевщины в Заволжские степи крестьяне начали выращивать там сахарную свеклу.

Существенным вкладом в будущую победу был также труд узников ГУЛАГа, где находилось значительное количество людей, провозглашенных «врагами народа». Общая численность узников в начале войны составляла 2,3 млн чел., а за 1941–1944 гг. в ГУЛАГ прибыло еще 2,55 млн чел., среди которых чуть ли не наиболее многочисленной группой были украинцы.

Труд узников применялся в промышленности, строительстве, в шахтах, на лесозаготовках.

1943 год стал годом великого перелома в ходе войны. Уже в конце лета 1943 г. советские войска вступили на землю Украины. Отступая под давлением Красной армии, гитлеровцы обратились к тактике «выжженной земли». В приказе войскам Гитлер подчеркивал: «Нельзя допустить, чтобы при отступлении из Украины мы оставили после себя хоть одного человека, хотя бы одну голову скота или мерку зерна... Врагу должна достаться полностью сожженная и истребленная земля»¹⁴. В результате такой политики чрезвычайно пострадало Левобережье, откуда вдоль 300-километровой полосы над Днепром было вывезено огромное количество населения.

Сразу же после освобождения от оккупации началось *восстановление народного хозяйства Украины*. Еще в августе 1943 г. было принято постановление «*О неотложных мерах по восстановлению народного хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации*». Правительство Союза ССР выделило средства на восстановление разрушенного хозяйства Украины, но они составляли лишь 24% от общей суммы и никоим образом не отвечали объективным потребностям республики, ведь материальный ущерб Украины превышал 40% общих потерь СССР. И несмотря на героические усилия украинского народа, восстановление народного хозяйства УССР в годы войны только началось. Возрождение экономического потенциала республики стало основной задачей следующего пятилетия.

В условиях перехода от войны к мирному строительству встали **вопросы о путях дальнейшего развития экономики** страны, ее структуре и системе управления. Подразумевалась не только *конверсия военного производства*, но и целесообразность сохранения сложившейся модели экономики. Годы войны выявили сильные черты существующей модели, в частности, ее высочайшие мобилизационные возможности, способность в короткий срок наладить массовое производство высокотехнологичного вооружения и обеспечить необходимыми ресурсами армию, военно-промышленный комплекс (ВПК) за счет перенапряжения других секторов экономики. Но война также со всей силой подчеркнула основные недостатки советской экономики: высокий

удельный вес ручного труда, его низкая производительность и качество невоенной продукции. То, что допускалось в предвоенные годы и в условиях войны, в послевоенное время требовало кардинального разрешения.

Имелась в виду, прежде всего, необходимость возврата к довоенной модели экономики с гипертрофированными военными отраслями, жесткой централизацией, безусловной плановостью в определении деятельности каждого предприятия, полным отсутствием каких-либо элементов рынка, жестким контролем за работой администрации.

После войны некоторые хозяйственные руководители, экономисты завели речь о необходимости реорганизации системы управления экономикой, смягчении тех ее сторон, которые сдерживали инициативу и самостоятельность предприятий, и, в частности, о послаблении пут сверхцентрализации. Такие настроения в определенной мере проявились и в Госплане СССР, который подготовил первый послевоенный план восстановления и развития народного хозяйства страны. В нем были заложены показатели, дававшие возможность осуществлять развитие основных отраслей экономики без предельного напряжения, оставляя возможность для проявления самостоятельности, как отдельным предприятиям, так и отраслям промышленности.

Однако надежды на преобразования в сфере управления экономикой оказались несбыточными. Принятый в мае 1946 г. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. содержал напряженные задания, в основе которых было обеспечение первоочередного восстановления и развития тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта. Это стало первым шагом на пути **возвращения к довоенной модели развития народного хозяйства.**

Был взят курс на усиление административно-командных методов руководства. По сталинскому плану окончательно формировалось общество, в котором были ликвидированы рыночные отношения, а человек полностью подчинялся политико-административной власти. Эта целостная модель охватывала как промышленность, так и сельское хозяйство. Правительство вновь (как и в довоенные годы) переходило к расширению при-

менения принудительного труда. Объем работ, выполненных ГУЛАГом, т.е. системой лагерей, где работали заключенные, вырос в послевоенные годы в несколько раз. И хотя их труд носил неэкономический характер, а система концентрационных лагерей как резерв рабочей силы не оправдывала себя, эта система была важным рычагом, неотъемлемой частью господствовавшего в СССР политического режима.

Таким образом, существование централизованной модели экономики с гипертрофированным военным сектором, строгим административно-политическим контролем за деятельностью хозяйственной администрации, предприятий и всех работающих, определило и особенности *восстановительного периода*:

- опора на внутренние ресурсы;
- приоритет в восстановлении работы предприятий тяжелой индустрии;
- усиление роли мобилизационно-пропагандистских мер (движений передовиков, новаторов, социалистического соревнования и т.п.);
- использование внеэкономического принуждения.

В этих условиях восстановление промышленности было самой важной задачей. На возрождение промышленности Украины направлялись огромные материальные и трудовые ресурсы, сюда поступали механизмы, оборудование, станки, технологические линии, которые СССР получал в качестве репараций из Германии, в основном в угольную промышленность, машиностроение, электроэнергетику. Были частично задействованы и ресурсы восточных районов СССР. Вместе с тем *реализация довоенной модели развития народного хозяйства означала форсирование роста тяжелой промышленности за счет производства товаров народного потребления, сельского хозяйства и благосостояния народа, которые ассигновались по так называемому остаточному принципу*.

В 1946–1950 гг. на развитие тяжелой промышленности было направлено 88% капиталовложений. Большинство выделенных средств шло на восстановление Донбасса, что позволило в 1950 г. довести добычу угля до 93% довоенного уровня.

Среди приоритетных отраслей народного хозяйства была электроэнергетика, ей в первую очередь выделялись средства,

трудовые и материальные ресурсы, транспорт, в кратчайшие сроки был восстановлен Днепрогэс, а до конца пятилетки в Украине производилось больше электроэнергии, чем перед войной.

Довольно успешно возрождалась и металлургическая промышленность. По выплавке чугуна и стали в конце пятилетки Украина вышла на уровень 93–95% довоенного производства, опередив Великобританию, ФРГ, Францию по производству этой продукции на душу населения.

Машиностроение в Украине восстанавливалось также достаточно быстрыми темпами: к 1949 г. здесь работало больше машиностроительных заводов, чем до войны, что предопределялось поступлением оборудования демонтированных немецких заводов и передислокацией некоторых заводов с востока СССР. В конце восстановительного периода машиностроительная отрасль произвела продукции в полтора раза больше, чем до войны. Однако восстановление промышленности на основе устаревших технологий и технической базы обусловило низкое качество и высокую себестоимость продукции.

Значительно медленнее шло восстановление сельского хозяйства. В этой отрасли особенно болезненным оказалось возвращение к старым порядкам, нежелание идти на какие-либо реформы, которые могли бы ослабить жесткий контроль со стороны государства. Вообще оно держалось не столько на личной заинтересованности крестьянина в результатах своего труда, сколько на внеэкономическом принуждении.

Отрицательно отразилось на развитии сельского хозяйства и его восстановлении и то, что капитальные вложения в него были крайне недостаточными. Вместе с вложениями колхозов они составляли лишь 12% общих капиталовложений в восстановление народного хозяйства. Село оставалось основным донором экономики и одновременно «пасынком» относительно выделения государственных ресурсов. Неслучайно в начале 1950-х гг. оно лишь приблизилось к довоенному уровню. Среднегодовые темпы роста сельскохозяйственного производства в 1950–1953 гг., по официальным данным, составляли лишь 1,6%¹⁵.

В 1945 г. были приняты постановления относительно восстановления народного хозяйства западноукраинских областей, присоединенных к Украине еще в сентябре 1939 г. В этих доку-

ментах определялся курс на реконструкцию и развитие традиционных для региона отраслей промышленности (нефтедобывающей, газовой и др.) и на создание новых (машиностроение, приборостроение, металлообработка и др.). Сюда направлялись не только материальные ресурсы, но и значительное количество рабочих и инженерно-технических работников. Темпы промышленного развития здесь были значительно выше, чем в восточных областях. Вырос и удельный вес региона в промышленном производстве республики (с 4,7% в 1940 г. до 12,6% в 1948 г.). Но форсированная индустриализация здесь, как и в довоенные годы в Восточной Украине, сопровождалась медленным развитием пищевой, легкой и других отраслей промышленности, обеспечивающих непосредственные потребности населения. Во многом это объясняется состоянием сельского хозяйства республики, которое должно было обеспечивать их сырьем. Одновременно разворачивалась коллективизация, осуществляемая здесь теми же принудительными методами, что и в Надднепрянской Украине в довоенные годы.

Как наиболее важную задачу послевоенного экономического возрождения страны советское государство выдвинуло упорядочение и укрепление денежного обращения. Необходимо было провести **денежную реформу**. В годы Великой Отечественной войны советское государство было вынуждено выпустить в обращение большое количество денег для покрытия военных расходов. Вместе с тем сократилось производство потребительских товаров. До конца войны денежная масса в обращении превысила количество денег, которые находились в обращении до войны приблизительно в 4 раза. Такой излишек денег привел к резкому росту цен и снижению покупательной способности рубля.

14 декабря 1947 г. было принято постановление «*О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары*». Денежные знаки, находящиеся в обращении, обменивались на новые, образца 1947 г. Денежная реформа содействовала укреплению денежного обращения и кредитных отношений в стране, восстановлению полноценного рубля. Однако значительная часть населения потеряла свои сбережения. Ведь по вкладам на сберегательных книжках обмен старых денег на новые осуществлялся нерав-

номерно: до 3 тыс. обменивали 1 : 1, от 3 до 10 тыс. — 3 : 2, а свыше 10 тыс. — 2 : 1. Денежную наличность же обменивали 1 : 10. Особенно больно реформа ударила по крестьянству и сельской интеллигенции. В условиях отсутствия учреждений Сбербанка в сельской местности они хранили свои сбережения дома, что сократило их в 10 раз.

Отмена в 1947 г. карточной системы распределения продуктов привела к значительному росту цен на них, новые цены более чем втрое превышали довоенный уровень, тогда как заработная плата увеличилась лишь наполовину. Крайне обострилась жилищная проблема.

Таким образом, политическое и хозяйственное руководство СССР в послевоенные годы избрало наиболее сложный и ресурсоемкий вариант восстановления и развития советской экономики. Он предусматривал не только авторитарное развитие с опорой на собственные силы, но и был ограничен курсом на максимальное форсирование тяжелой промышленности и ВПК за счет беспрецедентного ограбления села, сдерживания роста жизненного уровня населения, замедления развития социальной сферы, легкой и пищевой промышленности. Реализация такого курса требовала не просто масштабного внеэкономического принуждения, но и массовых репрессий. В этот период в Украине, как составной части СССР, завершилось формирование послевоенной административно-командной экономической системы.

Обобщая изложенное, следует подчеркнуть, что процесс формирования административно-командной экономической системы был связан с возникновением централизованного директивного планирования в конце 20-х–начале 30-х гг. и отмечен дальнейшим укреплением в предвоенный период, а также в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства. Но командная система с ее механизмом директивного планирования могла функционировать лишь как временная, которая после выполнения чрезвычайных задач подлежала реформированию. На определенном этапе она исчерпала себя, превратилась в тормоз на пути развития. Характерно, что это выяснилось еще в начале 30-х гг., т.е. в процессе формирования административно-командной системы. Уже тогда

имели место сбои, снижалась эффективность производства, проявились затратные тенденции. Эти проблемы ощущались и накануне Отечественной войны. Становилось очевидным, что формы и методы планового управления во многом себя исчерпали и стали причиной негативных явлений в экономике. Однако реально эта система все более укреплялась, становилась *откровенно бюрократической*. В управлении промышленностью и сельским хозяйством окончательно был осуществлен переход к командным методам, а в планировании — к тотальному директивному планированию.

Примечания

¹ Юхименко П.І. Економічна історія: Навч. посіб. К., 2006. С. 206.

² Там же. С. 207.

³ Воцанова Г.П. История экономики: учеб. пособие. М., 2002. С. 166.

⁴ Коропецький І.С. Економічні праці: зб. вибр. ст. К., 1998. С. 53.

⁵ Лортикян Э.Л. История экономики и экономической мысли Украины: Эволюция рыночной экономики. Харьков, 2004. С. 284.

⁶ Бобович И.М. Семенов А.А. История экономики: учебник. М., 2002. С. 291.

⁷ Там же. С. 293.

⁸ Тимочко Н.О. Економічна історія України. К., 2005. С. 12.

⁹ Білокінь С.І. Масовий терор і голодомори як втілення протиевгенічної політики більшовиків // Шлях перемоги. 1999. 13 січня. С. 204.

¹⁰ Улянич В. Терор голодом і повстанська боротьба проти геноциду українців у 1921–1933 роках. К., 2004. С. 14.

¹¹ Юхименко П.І. Економічна історія. С. 209.

¹² Тимочко Н.О. Економічна історія України. С. 219.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 218.

¹⁵ Юхименко П.І. Економічна історія. С. 269.